

По страницам старых газет

«Пионерская правда»

Светлана КАСЫМКУЛОВА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунок художника Н.БИСТИ

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

2020

Боря, Борька! Ну Борька же! — шепчет мой самый лучший друг Юрка. — ...Борька-а! — Он начал кидать в меня жёваной бумагой.

Наконец, потеряв терпение, я разозлился и обернулся, чтобы дать ему по шее, но Мухина, председатель совета отряда, в этот же момент заметила страдальческим голосом:

— Краснов, ты что, хочешь, чтобы тебя вызвали на совет отряда?

Я только погрозил кулаком в Юркину сторону. Хотя я уже привык к тому, что он меня отвлекает каждые десять минут. Дело в том, что неделю назад мы всем классом ходили смотреть фильм «Москва — Кассиопея».

В том, что фильм «мировой», мы сразу же сошлись во мнениях. И решили, что обязательно должны тоже изобрести, звездолёт. Юрка целую неделю не давал мне покоя, звонил домой через каждые пять минут, заставляя выслушивать очередной его проект. Впрочем, всё это выглядело вполне технично с точки зрения моего старшего брата — космического инженера. На сегодня мы запланировали разрабатывать двигатель. И вот вместо того, чтобы после пяти уроков идти домой и работать над звездолётом, я должен был сидеть на классном часе.

Речь шла о будущем субботнике. Да, надо сказать, что в нашем классе была такая Волкова Танька, высокая, с пушистой каштановой косой — самая обыкновенная девчонка. К нам она пришла в прошлом году неизвестно, из какой школы. Её любимым коньком были звёзды, о них она могла бы говорить часами. Но вообще-то она в классе ни с кем не дружила, была очень замкнутой. Кроме того, она почти никогда не появлялась на субботниках. А я был в отряде кем-то вроде особо уполномоченного по субботникам и воскресникам, и вполне понятно, что на этой почве наши отношения с Танькой были не из хороших. Но сколько бы я ни говорил с Волковой о субботниках, она отвечала, что у неё есть дела поважнее. У девчонки — важные дела, подумать только!

Заранее чувствуя, что Волкова снова не придёт на субботник, я встал и начал её «разносить».

Несмотря на мои «громы и молнии», Таня глядела на меня и улыбалась. Когда я закончил, она поднялась и сказала:

— Почему я должна ходить на субботники? Я занята.

Класс зашумел.

— Зачем же ты тогда в школу ходишь? — выкрикнул я. — Раз с нами — значит, везде и всегда с нами. Будто с Луны свалилась.

— Подумаешь — Луна! — возразила Танька. — Назвал бы хоть что-нибудь ещё — с Марса или с другой какой планеты. Можешь представить себе, что я, например, с Марса?

— Может, ты вообще не из нашей Солнечной системы? — ехидно осведомился Володька Соломин, первый остряк в нашем классе.

— Может, и так, — спокойно ответила Таня и невозмутимо села на своё место.

Наконец-то классный час закончился. Последней, как всегда, ушла Волкова. Мы с Юркой припустили за ней и нарочно кричали, стараясь «зацепить» эту выскочку.

— Великий день! В нашем классе объявилась марсианка, — ехидничал Юрка.

— Как же она соизволила прилететь на нашу Землю? — издевался в свою очередь я.

Вдруг Танька резко обернулась, и так неожиданно, что я чуть не налетел на неё.

— Эх вы, чудачки, думаете, это зависит от меня: хочу — молчу, хочу — рассказываю. Но я на вас не обижаюсь. Ведь вы не всё можете понять: имела бы право — давно всем рассказала бы.

Юрка недоверчиво хмыкнул, но она на него даже не обратила никакого внимания.

— Хорошо, я скажу, я скажу! Я не из Солнечной системы... Я прилетела из созвездия Андромеды. Есть там звезда второй величины Альферац, это наше солнце, а четвёртая планета от Альфераца — моя родная, мы её называем Дрейнау, что значит «цветущая» ... А всё, наше созвездие мы называем не как вы — Андромедой... Это ужасно трудное слово — Андромеда!

— Разве? — Мы переглянулись.

— Да, невероятно трудное, — строго повторила она.

Я только хотел задать вопрос, как она остановила меня.

— Я знаю, что ты хочешь спросить у меня. Я вообще знаю все мысли тех, с кем разговариваю. Меня зовут Яната... Если читать с конца, получается почти что Таня. Это случайное совпадение. Да, меня зовут Яната. Давно меня так никто не называл, как там, на родной Дрейнау. В год, когда мне исполнилось десять лет, Я впервые полетела в космос, на спутник нашей планеты Эйлинг, где работала моя мать астрономом-корректором на транспосадочной станции звездолётов. Здесь у вас только-только вышли в космос на простых ракетах, а у нас фотонные двигатели способны развивать скорость, близкую к скорости света. В самых необходимых случаях мы используем телепортацию.

— ...Телепортацию? — спросили мы почти в один голос с Юркой.
— Что это такое?

— Так сразу это и не объяснишь... Ну, в общем, при помощи электронно-квантовой установки человека разлагают на атомные структуры и в таком «разобранном» виде передают его, как обычную радиопередачу, в любой пункт Галактики, а там на аналогичном телепортёре-приёмнике в течение нескольких секунд человека собирают в его обычную оболочку... Да, да! Со всеми его родинками, мыслями и поступками... Я поняла ваш мысленный вопрос. Да, меня телепортировали. Чувство не из приятных. И потом, когда тебя уже «передали», то до тебя другим людям нельзя дотрагиваться в течении нескольких минут, пока не выйдет из тела статический заряд электричества.

На вашей планете только за последний десяток лет инкогнито побывали наши учёные пять раз. Но для окончательных психологических исследований надо было долго жить с землянами. Удобней всего это было сделать детям. Проводился конкурс по всей Дрейнау, - никто не мог надеяться: необходимо было кроме высших баллов по интеллекту иметь исключительное здоровье. Всё это сводило возможность попадания в экспедицию почти к нулю. Счастливых оказалось двое:

я и мальчик Тураси. Он сейчас живёт, учится и проводит Социологические исследования, а Англии.

Когда нас двоих направляли па Землю, ставилось основное условие — ни слова о своём происхождении. Но мной чуть было не заинтересовались, когда я проговорила о планетах Геммы. Тогда... в колхозе на сборе яблок, гюмните? Вы можете мне и не верить, мне всё равно... Почему, несмотря на запрещение, я так разболталась? Да потому, что сегодня в полночь я отбываю домой. — Яната радостно улыбнулась, — И мне, наверное, разрешено быть откровенной со своими друзьями. Я чувствую, что разрешено. Ведь я могу вас считать друзьями? Скоро за мной с Тураси придёт малый корабль, а большой ходит по далёкой орбите и ждёт сигнала с Дрейнау, когда нас можно будет телепортировать.

— Во врёт!.. — нерешительно сказал Юрка.

Яната посмотрела на него с явным сожалением и, повернувшись ко мне, продолжила:

— Если хотите, приходите сегодня в полночь на пустырь, увидите мой отлёт. Только прошу спрятаться и не подходить к моим товарищам по полёту, когда опустится корабль. — Девочка почему-то грустно улыбнулась и, кивнув на прощание, ушла.

— Слушай, — после некоторого молчания сказал Юрка, — про какие планеты Геммы она упоминала? Когда это было?

— Ты в это время был в Москве, у дяди в гостях, а мы всем классом поехали в колхоз помогать собирать яблоки. Вечером все лежали на сене, смотрели на звёздное небо. И тут Генка Лудин заявил:

— Всё-таки мне больше всех нравится Гемма...

— Да, да, она очень красива, — откликнулась тогда Волкова. (Оказывается, она вовсе не Волкова и не Таня, а Яната). — А какие у неё прекрасные планеты: Тракта, Суас, Гремо, Альдап! — восхищалась она. И вдруг внезапно замолчала, вспомнив, что назвала планеты подрейнауски, а мы были тогда поражены теми звуками, которыми она называла планеты.

Дома я сел за уроки. Взглянув в окно, я увидел, что солнце затянулось тучами. Пошёл дождь. Это была самая настоящая гроза — с молниями и мощными раскатами грома. «Юрка не придёт». — подумал я и, закончив уроки, лег спать. И вдруг сквозь сон — пронзительный свист! Ну, конечно. Юрка!

Когда мы шли к пустырю, дождь лил как из ведра. Зигзаги молний освещали мокрый асфальт, и в нём, как на моментальных фотографиях, отражалась вся улица.

— Слушай, — шепнул мне Юрка. — осталось полчаса, давай нажмём.

И вот, наконец, пустырь. Спрятавшись в кустах, мы внимательно осмотрели темнеющее пространство — ничего и никого!

— Натрепалась! — огорчённо сказал Юрка. И в этот момент вдали показалась тоненькая фигурка, мы узнали Янату. Она была в серебристом плаще, её мокрые волосы развевались на ветру. Юрка хотел её окликнуть, но я зажал ему рот ладонью. Тем временем Яната нетерпеливо расхаживала по площадке.

— Смотри! — тихо воскликнул Юрка. — К Янате подошёл высокий мальчишка в таком же плаще. Она что-то воскликнула и обняла его.

— Чужого обнимать!.. — зашипел Юрка.

— Это не чужой, это Тураси, они же как родные, с одной планеты...

Мой приятель сердито засопел, и я понял, что Тураси не очень ему нравится.

— До времени отлёта осталось пять минут. — прошептал я. И в этот момент пустырь засветился многоцветной радугой, и мы увидели ракету странной спиральной формы. Очевидно, космический корабль был до этого мгновения каким-то способом скрыт от наших глаз. Из корабля вышли двое инопланетян в золотистых скафандрах. Когда Яната и Тураси сняли плащи, то оказались точно в таких же лёгких

скафандрах, отсвечивающих золотом. Перед входом в ракету Яната остановилась на мгновение, оглянулась, и мы увидели, как поднялась её рука. Это был жест прощания.

Ракета бесшумно, набирая скорость, ринулась к далёкой орбите.

Мы уже собирались уйти, когда я заметил что-то светящееся в стороне от стартовой площадки. Это что-то оказалось лучистым кристаллом величиной с большое яблоко, а под ним белела записка. Конечно, наша подружка с Дрейнау не захотела оставлять товарищей без прощального приветов.

«Видите, я действительно инопланетянка. Но я останусь вашим другом, хотя нас разделяют пространство и время. И я верю, верю, что вы, друзья, создадите свой звездолёт. Я обязательно прилечу когда-нибудь на вашу прекрасную планету. А кристалл — вам на память.

Мы тоже дети Солнца!

До свидания.

ЯНАТА».

Юрка ещё раз перечитал конец письма:

— Интересно, как она узнала, что мы изобретаем звездолёт? И что это за туманная фраза в конце записки: «Мы тоже дети Солнца»?

— Она проводила психологические исследования, — выйдя из задумчивости, ответил я.

Я шёл, повторяя её имя: «Яната... Яната...» Какое загадочное и прекрасное имя, как оставленный ею кристалл! «До Альфераца очень далеко!» — вспомнил я слова Янаты.

— Слушай, может, рассказать о ней кому-нибудь? — сказал Юрка. — Всё же контакт с представительницей другой планеты.

— Да нам никто не поверит!

— А кристалл?

Я только махнул рукой.

— Как ты думаешь, она ещё прилетит? — опять спросил Юрка.

— Спроси что-нибудь полегче, — вздохнул я и замолчал. Притих и Юрка. А я всё думал про Янату, иногда называя её про себя марсианкой. хотя хорошо знал, что она ещё дальше — из другого созвездия. из мрачных глубин космоса.

И до самого дома мы больше не проронили ни слова.

Интересная штука! Когда назавтра я спрашивал у всех ребят подряд, кто из них видел Таньку Волкову, на меня смотрели, как на сумасшедшего.

— Какую Волкову?

— То есть как какую? Таню, которая рядом с Володькой Соломиным сидела!

— Ты чего поел сегодня... может, поганых грибков каких? — уставилась на меня Светка Нагорная. — Соломин второй год один за партой сидит.

Это было удивительно — у всех в классе, как резинкой, стёрло все воспоминания о Янате. Никто даже не пытался припомнить про планеты Геммы и о том, как Яната уваливала от субботников.

Наконец, когда я в третий раз стал допытываться о таинственной Тане Волковой у Ирки Мухиной, та провела ручкой по моему лбу и сказала:

— Тебе. Борька, лучше домой пойти. Никакой Волковой у нас в классе никогда не было. Это у тебя от вашего с Юркой звездолёта что-то с головой случилось.

Всем в школе было весело, исключая нас с Юркой. Иногда мы обменивались таинственными взглядами и торжественно клялись сохранять тайну.

Новое, невероятное событие случилось уже спустя полгода, зимой.

...Весело прозвенел звонок, возвестивший о конце учебного дня. Класс загудел.

— Тихо, ребята! Сядьте на места! «У меня объявление», — прокричала Ирка Мухина, любительница громких фраз. Все помнят тот случай, когда она ещё в четвёртом классе взялась оформлять классный уголок и повесила самодельных воззваний вроде: «Железная дисциплина — залог здоровья!» и «Собирай металлолом. витаминов много в нём!».

— Кому говорят, тихо! — стучала ладошкой по столу Мухина.

— Опять! Неужели нельзя было на перемене сказать! — простонал я.

— Новостей на пять минут! Ведь ты же всех задерживаешь, — прошипела Ирка.

— Да хотя бы и на две минуты! Пока! Чао! — И я двинулся к двери.

Однако Юрка предательски не откликнулся на мой призыв, да к тому же выход из класса загородили девчонки — не будешь же с ними драться! Я демонстративно прислонился к стене возле двери, насвистывая: «А нам всё равно...»

— Я не начну до тех пор, пока Краснов не сядет на место, — занудным голосом протянула Мухина.

Под возмущённый гул класса я направился к своей парте, швырнул портфель и презрительно глянул на Юрку — предатель.

— Во-первых, — начала Ирка, — мы завтра выйдем на субботник по сбору металлолома. Нужно приобрести книги для строителей

БАМа. И во-вторых, в воскресенье едем на лыжах в лес, с нами будет учительница по географии Наталья Александровна. Вот и всё. И не надо было делать из этого трагедию, Краснов, — Ирка взяла портфель и вышла.

— Ха, красавица! — сказал я ей вдогонку. — Юра, пошли!

Но он будто оглох. Я легонько дёрнул его за воротник. Мы вышли из школы. Мягко искрился снег. В вечернем небе загорались первые звёзды.

— Мировецкий вечер, — сказал я, чувствуя, как проходит плохое настроение. — Ты поедешь в лес?

— Поеду. Дело стоящее. Ты зря на Мухину...

— Мухина, Мухина... Знаешь, мне пришла в голову мысль: если заменить в ракетном топливе...

Разговор о ракетном топливе так увлёк нас, что мы не заметили, как дошли до дома.

После отлёта Янаты мы с особым рвением принялись за изобретение звездолёта. Усердно читали книги по ракетной технике, астрономии, астрофизике... С энтузиазмом взялись и за математику и физику, Кубоквадратыч, учитель-математики, с изумлением смотрел на Юрку, у которого раньше отметки выше тройки не подымались, а тут вдруг три пятёрки подряд!

Два дня, оставшиеся до воскресенья, пролетели незаметно. В это утро я проснулся сам. Удивительное дело — в праздничные дни всегда легко встаётся! Солнечный луч упал на полку с книгами, и там заискрился голубой кристалл — подарок Янаты.

Одеться и быть под окном друга — на это хватило десяти минут. Я свистел во всю мочь до тех пор, пока за стеклом не показалась лохматая со сна Юркина голова.

— Ну, чего рассвистелся, не концертный зал... Сейчас я...

Очень долгими мне показались минуты ожидания, пока не появился Юрка с лыжами и в шапке-ушанке.

— Знаешь, я во сне новую конструкцию придумал, расскажу — за-качаешься! Максимум современности, можно собрать из подручных материалов, прямо обалдеешь...

— Как в тот раз из тазиков и детских ванночек, — съехидничал я, — как наш сосед дядя Вова.

— Какой дядя Вова?

— А тот, у которого всё получается дубово-дубово!

Юрка не успел парировать, мы уже подходили к школе.

По всем приметам видно — у ворот собрался наш класс. И, конечно, слышен голос Ирки Мухиной: «Ребята, мероприятие нужно провести на высоком уровне!»

Доехать до леса на автобусе — самое пустячное дело, а там мы рассыпались по разным направлениям. Только начали сражаться в снежки, я влепил Светке Нагорной два комка в спину за те «поганые грибы», которыми она меня тогда угостила из-за Янаты, как вдруг из кустов появился Юрка с какой-то торжественно-таинственной физиономией.

— Во!.. Смотри, что я нашёл!

В руках он держал фиолетовый брусочек.

— Хм, странно... Какой-то незнакомый металл... фиолетовый.

Я внимательно осмотрел Юркину находку. Сбоку было три отверстия. Покрутил брусочек в руках, и вдруг раздался щелчок: открылась крохотная крышка, а там — кнопка...

— Слушай, может быть, нажать, а?

— Я тебе нажму, мы же не знаем, что это такое!

— Ну не оружие же!

— Может, и оружие...

Любопытство друга и его просьбы наконец сломили меня.

— Ладно, валяй, только потихонечку. И на всякий случай отойдём подальше от наших.

Я для предосторожности отвернул брусочек дырочками от себя и нажал на кнопку. Из отверстий вырвались три ослепительных голубых луча, и я невольно отдёрнул руки, выпустив Юркину находку, — брусочек повис в воздухе и вдруг стремительно полетел куда-то. Он летел всё дальше и дальше, а мы бежали за ним. От быстрого бега уже не хватало в груди воздуха и закололо в боку, когда эта «волшебная» палочка нырнула в овраг и там исчезла.

— Вот это да... — протянул Юрка. — И как же дальше? Неужели отступать?

Стали спускаться в овраг, и на одном из поворотов, когда я случайно опёрся о крутую стенку оврага, почувствовал, как она поползла под рукой, не вниз, а почему-то в сторону.

— Борька, гляди-ка! — Юрка расширенными от изумления глазами смотрел за мою спину. Там открылась стальная дверь — люк.

— Боря, ну что ты на меня смотришь? Пошли! — Это мне Юрка.

— Давай! Я первый... — Не отступать же перед маняще-таинственным. Шагнули в проём люка, потоптались в начале белого коридора, прошли ещё несколько шагов, и тут я понял, что за нашей спиной кто-то стоит... дёргаю Юрку за руку. Оборачиваемся. Перед нами человек

в ярко-красном костюме с молниями вдоль рукавов, три застёжки-молнии поперёк груди и вокруг шеи ожерельем фланцевое соединение, как для гермошлема космонавтов.

— Земляне, вас приветствует человек с планеты Дрейнау!

— Дрейнау?

— Дрейнау! Вы прилетели, да? — Я таял от восторга. — А Яната?

Человек с планеты Дрейнау пригласил нас с Юркой следовать за собой. Трижды коридор менял направление, и наконец наш новый знакомый сказал:

— Подождите здесь.

Это была какая-то странная голубая комната, степы которой, казалось, были живыми и еле видно пульсировали, а порой по ним пробегала как бы волна дыхания. В комнате стояло два кресла. Я уселся в одно из них, а Юрка начал деловито измерять шагами помещение.

— Ничего матерьяльчик, — одобрительно сказал он, проведя ладонью по стене.

— А ну брось, — вскочил я, — а то, как долбанёт!

— Кто? Эта стена? — И Юрка, не слушая меня, стукнул по стенке. Рука вошла в стенку по локоть и так завязла — ни туда и ни сюда.

— Говорил же тебе, не трогай! Что теперь делать будем?!

Я стал помогать Юрке вытаскивать руку из стены, но ничего из этого не получилось.

— Уф!... — Я вытер пот, и в это время вошёл наш новый знакомый. Увидев Юркину беду, он как-то криво усмехнулся, потом вынул из кармана небольшой флакон, как из-под одеколona, брызнул на Юркину руку, и она сразу же свободно вышла из стены.

После этого незнакомец провёл нас дальше, и наконец мы вошли в круглый зал, где за столом в виде подковы заседало пятеро таких же инопланетян в красном.

Сопровождавший нас дрейнаусец предложил нам удобные сиденья против подковообразного стола.

Я и сейчас помню наше с Юркой тогда ощущение, что всё это не настоящее, а просто какая-то сложная игра или, быть может, хорошо продуманная пьеса-представление, рассчитанное на нас двоих. Пришельцы были похожи на обычных землян. Разницу я заметил только тогда, когда председательствующий за столом-подковой встал и обратился к нам с краткой речью. Глаза его совсем по-кошачьи от

яркого света сузились в палочки-веретёнца, а когда он на мгновение поворачивал голову в мало освещённую сторону, зрачки его снова расширялись.

Это было первое, что поразило меня, и я невольно спрашивал себя: «Почему же у Янаты Тани не было таких глаз?»

— Уважаемые земляне, — обратился к нам председательствующий, — да будет вам известно, что мы уже не первый раз навещаем вашу планету с самыми хорошими намерениями. Делаем мы это, как у вас говорят, «инкогнито», не посвящая хозяев планеты в наши работы для того, чтобы вся информация была искренней, без примеси субъективных добавок... — Он на секунду отвернулся, и зрачки его, расширяясь, как бы вспыхнули мрачным огнём. — Очень прошу верить нам, так как в будущем наша планета как стоящая на более высокой ступени цивилизации окажет вам помощь в овладении всем богатством научных знаний на... Дрейнау. Чтобы привести пример наших знаний, могу сказать, что сейчас вы находитесь в таком месте, где вас найти совершенно не под силу кому-либо из землян. — Председательствующий снова как-то натянуто улыбнулся. — Вы находитесь в четвёртом измерении. Вам понятно, что это такое?

Мы с Юркой растерянно переглянулись.

— Вот те на... — протянул мой друг.

Не знаю, какой чёрт меня пихнул под локоть в этот момент, то ли в порядке защиты, то ли в порядке обиды за нашу культуру, я про себя махнул на всё — врать так врать:

— Подумаешь... четвертое измерение! А вот мой дядя...

— Что такое «дядя»? — упёрся в меня взглядом председательствующий.

— Ну, это... который... мамин брат. Так вот он разработал перемещение материи в глобальных порядках!

Юрка посмотрел на меня ошалело, рот его был открыт. Надо было немедленно продолжать свою импровизацию, потому что всем своим видом Юрка давал знать, что вот-вот сейчас ляпнет своё коронное; «Во врёт так врёт!»

— ...Перемещение материи в глобальных порядках... Как бы это объяснить? Если произвести глобальное уменьшение галактики, то она займёт свой следующий порядковый размер, станет величиной со среднюю планету, составляющие её планеты и звёзды уменьшатся до размеров арбуза. — Тут пришлось снова объяснять нашим «допросчикам», что такое арбуз.

— А... если такое излучение направить... на нас? — спросил самый младший из заседателей.

— Тогда вы все станете размером с инфузорию тифельку, — не моргнув глазом, отлил я последнюю «пулю».

Все шестеро дрейнаусцев, включая и нашего сопровождающего, о чём-то горячо стали рассуждать на своём языке, а Юрка, склонив голову набок, в это время разглядывал меня так, будто вместо меня на стуле сидел тоже представитель с другой планеты. Бедный мой друг, как он переживал! Он же прекрасно знал, что я всегда был не способен на враньё, а тут такой поток лжи, который в пору только разве Мюнхаузену.

— Итак, наши молодые, но уважаемые друзья, — снова заговорил кошачьеглазый глава инопланетного «конклава», — возвращаюсь к началу нашего разговора. Нам хотелось бы узнать о вашей планете как можно больше. Прошу вас в порядке одолжения и ради науки рассказать всё, что вы знаете о своей планете. — С этими словами он направил на меня оранжевый рефлектор, и я сразу забыл о том, что собирался сам спросить у них: «Почему же они не могли узнать обо всём этом у Янаты?» Вместо этого я, как болтливый попугай, выдавал все свои знания, полученные в школе... Надо сказать, что Юрка в этом отношении перещеголял меня: он сразу же сообщил всё о космонавтах, спутниках и первом совместном полёте с американцами «Союз — Аполлон». В общем, в своей откровенности мы настолько разошлись,

что спроси они меня сейчас о «глобальном перемещении», так я бы, наверное, сознался во вранье и, чего доброго, попросил извинения. Во всём виноват, по-моему, был этот оранжевый рефлектор, нечто вроде американского «детектора лжи», только в более гуманном варианте.

Когда наши с Юркой познания были исчерпаны, и мы с ним ответили по мере своих мозговых запасов на все вопросы, председательствующий закрыл перед собой нечто вроде небольшого книжечка и, вздохнув, произнёс:

— Прекрасно. — И глаза его уже в который раз сверкнули сокращающимися зрачками. — Вот и всё, наши молодые, но весьма уважаемые друзья. Сегодня же мы улетаем обратно, чтобы спустя некоторое время прилететь снова и принести для землян оч-ч-чень пр-р-приятные вещи. Ждите нас. Будете или нет вы рассказывать о сегодняшнем разговоре, это нас не волнует. На месте ваших учёных я бы вам не поверил и послал вас к психиатрам на проверку. Пр-р-приятных дней, хороших настроеньев! — закончил он.

«Наст-р-р-роеньев», — мысленно передразнил я его, так как ко мне после окончания оранжевого облучения возвратилось недоверчиво-неприятное отношение к этим инопланетянам.

В сопровождении того же дрейнаусца мы с Юркой снова очутились на свежем морозном воздухе.

— Что-то быстренько они нас выпроводили, — буркнул Юрка.

— А ты здоров врать-то! Вот бы никогда не подумал, — то ли восхищённо, то ли укоризненно сказал он.

Через каких-то полчаса мы уже подъезжали на электричке к дому. Возле выхода ехавший с нами милиционер вдруг взгляделся в нас и строго спросил: «Боря?.. Юра?..»

— Ага, — только и могли мы произнести от удивления.

— А ну, пошли со мной! Двое суток вас ищем, всю милицию на ноги подняли, а они на электричке раскатывают, мороженым наслаждаются, — кивнул он на наши эскимо, только что взятые у разносчицы.

— Как двое суток? — возмущённо запротестовали мы в два голоса. — Мы только что из леса!

— Совершенно, верно, парнишки, два дня назад вы и пропали во время экскурсии в лесу.

— Во врёт! — посмотрел Юрка на милиционера.

— Не врёт, — толкнув в бок приятеля, прошептал я. — Ты что думаешь, всю историю Земли со всеми Архимедами, Клеопатрами и Александрями Македонскими можно за пару часов рассказать? Мы же весь школьный курс им пересказали!

Не очень мне хочется пересказывать, как нас с Юркой увезти в милицию на мотоцикле, и главное — потом ещё неделю в больнице вежливый врач расспрашивал про дрейнаусцев и четвёртое измерение. Хороший доктор был, сочувствующий! Под конец заинтересовались: «Не видали ли вы зелёных чёртиков или ангелов, с неба сходящих?»

И это ещё было не всё. Когда мы с Юркой в школу пришли, от нас все в сторону шарахались.

— Ну, что вы, — уговаривала одноклассников Ирка Мухина. — ребята как ребята. Поболели, и всё прошло.

Но даже самое плохое и то имеет свой конец. Через неделю начались зимние каникулы. Ребята уже привыкли и не избегали нас, исключая тот случай, когда Васька Мещеряков из десятого класса, здоровый дылда, стал на катке меня про космос выпрашивать. Так я ему поддал немного... А он ничего, не стал связываться — потому у меня теперь репутация такая...

В новогодний вечер мы с Юркой сидели, у нас дома. Горели лампочки на ёлке, на столе стоял огромный торт и лимонад «Буратино». Мои родители ушли в гости, и настроение у нас было что надо. Разговаривали всё о том же, о чём при посторонних нам даже заикаться нельзя.

— Юра, а Юра, я так до сих пор не понимаю, почему они нас расспрашивали про планету? Яната же с нами училась, могли у неё узнать... Да и сами они на Земле уж в который раз.

— Станный ты, Борька, сколько человечество свою Землю изучает? Несколько тысяч лет. А много ли мы знаем?

— На двое суток хватило, — мрачно сыронизировал я и перевёл взгляд на полку с книгами. — Юрка, смотри! Кристалл! Не там, на полке!

Не отрываясь, смотрели мы на разгоравшийся голубым сиянием подарок Янаты. Честное слово, у меня по коже мороз пробежал. Все предметы в комнате расплылись в очертаниях, пропали, периметр стен стал овальным, удлинённым, и по двум сторонам засверкали круглые иллюминаторы, отливающие перламутром, как створки гигантских морских раковин.

От потолка повеяло холодом, и, подняв глаза, мы увидели ночное небо. Но какое это было небо? Оно было чужое: очертания созвездий незнакомы, а на первой четверти небосвода сняла одна полная Луна с пояском, как у Сатурна, и два полумесяца, обращённые друг к другу выпуклостями. Я сообразил, что это небо Дрейнау, небо созвездий Андромеды. И вдруг посреди комнаты, как на быстро проявляющейся фотографии, появилась... Яната! Она стояла на каком-то небольшом возвышении.

— Танька! — заорал Юрка.

— Яната! — откликнулся я и кинулся к нашей приятельнице.

— Юрка, не подходи! Во мне же миллионы вольт. Подождите минуту, мне и говорить-то до разрядки не очень легко... Минуту...

И вот мы сидим снова втроём, рядом, смотрим друг другу в глаза, и нет для нас сейчас ни отдалённых миров, ни разделяющих нас парсеков. Просто нас трое — два приятеля и замечательная девчонка Яната. Разговор прыгал с пятого на десятое и устремился в одну определённую точку только тогда, когда мы с Юркой рассказали про последнюю встречу с дрейнаусцами.

— Яната, почему тебя с ними не было?

— Юра, Боря, подождите. Какие у них были глаза? Не такие вот — палочками?

— Ага, совсем как у кошки, — обрадовался Юра. — Это у тебя одной, как у нормальной?

— Ой, ребята, как всё плохо! Значит, двое суток? Да за это время они получили от вас полную информацию. Знаешь. Юра, когда-то один человек на планете Земля сказал замечательные слова: «Люди, будьте бдительны!»

— Это кто сказал?

— Это сказал национальный герой Чехословакии Юлиус Фучик... И вот сейчас для вас, людей Земли, настало время вспомнить его слова. Это были не люди с Дрейнау, а цивилизация, если можно про них так сказать — антигуманитарии. Их звезда сейчас на последней стадии остывания, и они, не считаясь ни с какими доводами рассудка, стараются овладеть любой планетой и приспособить для своих потомков...

— Яната, они обманули нас!

— Та-ань, что же делать? — простонал Юрка. — Нас и так фантазёрами считают.

— Ребята, мне пора... Пора! Действуйте быстрее. Оповещайте всех! В крайнем случае, ребя... — И она растаяла в воздухе: пропало голубое сияние, комната стала обидно обычной, и всё прошедшее нависло предчувствием большой беды, от которой мы своими ребячьими силами не могли оградить наш такой большой и такой маленький земной шар, все народы Земли.

— Юрка-а, — заторопился я. — сколько сейчас времени?

— Пять минут десятого...

— Одевайся, пошли!

— Куда?

— У меня дядя...

— Открыл закон глобального... прев...

— Но шее дам! Он действительно астроном... Всё расскажем, он что-нибудь посоветует. Яната говорила — предупредить!

— Опять допредупреждаемся...

— В таком деле наши личные дела — ничто. Должны же поверить нам!

У дяди в новогодний вечер были гости, и до нас в коридор доносились весёлые голоса, звучала песня.

— Ну-с. юноши, с Новым, годом, с новым счастьем! — приветствовал нас дядя, совершенно не обратив внимания на наши встревоженные лица. — Кстати, вы, кажется, не поздоровались? Ну что ж, простим будущим космонавтам.

— Дядя Серёжа, беда! — Я передал астроному предупреждение Янаты и рассказал обо всём, что произошло с нами.

Надо отдать дяде справедливость он выслушал нас, не прерывая, до конца. Потом сказал грустно:

— Если бы даже всё, что вы сказали, было правдой, мы бы ничего не смогли сделать.

И вот мы снова идём по заснеженной улице, хмурые и удручённые безвыходным положением. По всей видимости, дядя Серёжа всё же посчитал наше предупреждение если не ребячьим вымыслом, то каким-то недоразумением.

— Слушай, неужели ничего нельзя сделать? — спросил я Юрку, когда мы уныло брели к дому.

— Думай ты, а я больше не могу, — ответил он и замолчал.

Первые дни каникул прошли в сплошных тревогах и волнениях. Мы с Юркой проанализировали все «за» и «против» во всех

возможных случаях и всё-таки не смогли прийти ни к какому обнадеживающему выводу.

Прошло трое суток. Поздно вечером мы снова сидели у меня и, как индийские факиры, гипнотизировали Янатин кристалл. И, будто под нашим взглядом, он снова засветился. Опять нас окружала таинственная обстановка планеты Дрейнау... Перед нами появилась Яната.

— Что вы успели сделать? — был её первый вопрос.

— Ровно ничего, Яната. Никто нам не верит.

— Яната, а как ты появляешься здесь? — нарушил я повисшее в воздухе молчание.

— Это же так просто, Боря. Кристалл, который я тебе подарила, — это портативная установка специального приёмника. Он постоянно связан вот с этим моим браслетом на руке... И где бы ты ни был, я всегда смогу войти в радиотелепортативный контакт... Но речь идёт сейчас не о том. Вы должны понять, что корабли с антигуманной планеты уже в пути. Они движутся к вашей Земле...

— Дядя сказал... что мы пока беспомощны, — пролепетал я.

— Ребята, — прервала молчание Яната, — что для вас самое дорогое?

— Память о тебе, — пробормотал, краснея до ушей, Юрка.

— Наша Земля, голубая планета Земля! — глядя прямо в её такие необыкновенные, сияющие глаза, сказал я.

— Подарите мне вот эту вашу фотографию, — сказала Яната и показала на карточку, где мы с Юркой были сняты как раз в тот день, когда ходили в кино на фильм «Москва — Кассиопея».

Прощаясь, я в первый и в последний раз взял Янату за руку, вручая наш подарок, и почувствовал слабый удар тока. Яната рассмеялась:

— Это ещё действует остаток статического напряжения после телепортации... Ребята... мне пора! Я очень прошу вас завтра в это же время быть дома. Мне будет необходимо ваше присутствие. Помните — завтра!

И все погасло. Потускнел кристалл, обычная обстановка окружала нас снова.

Если бы кто знал, как я хитрил на другой день, чтобы отправить отца с матерью в кино! Юрка пришёл ко мне бледный и расстроенный.

— Знаешь, Борька, мне всё это не нравится... Мне всё кажется, что мы с тобой делаем что-то не то.

— Брось, Чебурашка, — сказал я ему, как иногда называл его, чтобы поднять настроение, — три к носу — всё пройдёт!

— Нет, не пройдёт, не пройдёт...

Часы пробили ровно девять в тот момент, когда засиял голубой подарок Янаты. И снова она рядом с нами. Мы оказались в тесной каюте, заполненной множеством незнакомых приборов.

На Янате был костюм астронавта. Девочка была возбуждена и часто беспричинно смеялась.

— Яната, где мы? — спросил я. — Чем ты так взволнована?

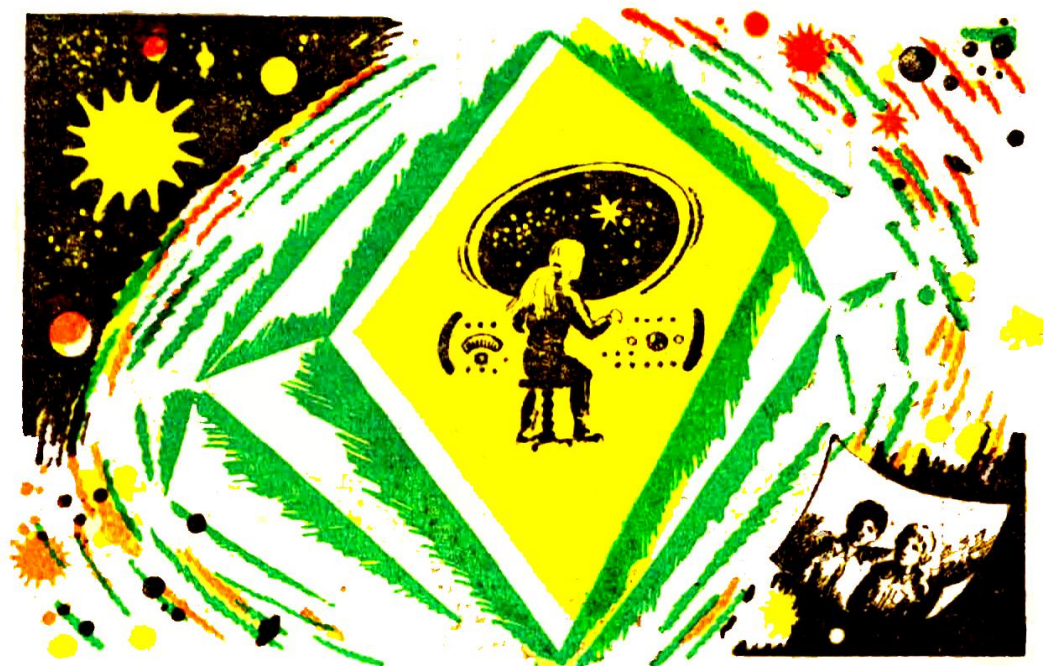
— Юрий... Борис... давайте присядем, как у вас на Земле, перед дальней дорогой...

— Почему так торжественно?

— Друзья... я сегодня должна сделать то, что сделали бы и вы, будь у вас возможность. Я в этом уверена!

— О чём ты говоришь, Яната?

— О боевом корабле с планеты Дрейнау. Сегодня он станет на пути захватчиков, стремящихся к планете Земля. Я совершила большой проступок: тайно увела фотонный боевой крейсер... Судите меня, как хотите; Юра, ты помнишь, я иногда уклонялась от субботников. Сегодня мой воскресник. Прощайте. Не переставайте смотреть на кристалл.

Торжественная, прямая, как солнечный лучик, она поцеловала нас обоих, и нам почему-то не было от этого стыдно.

И вот мы снова оказались в моей комнате, упрямо смотрим на кристалл, в котором, как на крошечном экране цветного телевизора, — она, Яната, собранная, строгая. Только изредка, отрываясь от приборной доски, она смотрит в нашу сторону и коротко спрашивает, будто видит нас;

— Ребята, вы со мной? Вы меня видите? Вы мне очень нужны. Космические торпеды заряжены... Я иду в атаку за вас, за себя! Мы — дети Солнца!

Это была короткая, неистовая схватка. Яната вывела свой корабль на предельной скорости. Вероятно, командор армады вторжения был захвачен врасплох, когда один за другим вспыхнули в звёздных всплесках первые пять его кораблей.

Да, они не ждали, что здесь, над Землёй, их встретит мощный боевой корабль планеты Дрейнау. Не более десятка минут прошло, когда, уничтожив почти весь десант врагов, Яната осталась один на один с флагманом космической армады.

— Яната... Яната, бей их! — шептал побледневший Юрка.

Я же, не отвлекаясь, следил за тем, как, иногда отрываясь от перископа. Яната шептала:

— Ребята, вы со мной? Ребята, вы видите ме...

Так бывает в боях, когда два снаряда, покинув жерла орудий, ударяют одновременно в противников. В моих глазах и сегодня стоят две мощнейшие вспышки, одна из которых была последней песней Янаты. В тот же момент экран кристалла потух, будто он только и светился ударами сердца Янаты...

Маленькое пояснение:

Это - моя маленькая попытка, донести до читателя,
старые газетные публикации.

Читать «**сканы**» старых крупноформатных
газет и журналов, сейчас довольно тяжело,
сам шрифт мелковат, да и время совсем листы не пощадило.
Вот и появилась мысль, сделать некоторые публикации
крупного формата, более читабельными.

Публикации в «**Пионерской правде**», помнят люди
разного возраста, думаю у каждого, были свои, памятные.

Основную массу будущих публикаций, составят сканы
уважаемого **Сергея Никитина** из старых газет.

Как смог для читателей и любителей!

Распознавание текста, сборка и работа с иллюстрациями
by formally.

